

Клетка ходила ходуном. Железо натужно скрежетало под тяжестью мощных лап. Казалось, ещё мгновение, металл поддастся, и двухметровый бурый монстр вырвется наружу.

— Осторожнее там. Смотри, чтобы не зацепил.

— Справимся. Не в первый раз! — крикнул смотритель Коробейников и подтолкнул на себя тележку со стоящей на ней клеткой.

Косолапый прибыл в зоопарк пару часов назад. Везли его сонного, под транквилизаторами. С помощью погрузчика установили клетку на огромную передвижную платформу, а дальше дело встало. Его бы в вольер, но не давался мишка, хоть

тресни. Очнулся. Пришёл в себя и начал буянить. Раскачивал клетку, просовывал лапы с когтями-бритвами сквозь решётку. Ждали смотрителя Андрея Градова, он обычно с хозяевами тайги ладил лучше других.

У Градова сегодня был первый рабочий день после больничного. Утром он, как и положено, появился в зоопарке, обошёл животных, а потом исчез. Позвонил, сказал: срочно вызвали в школу к дочке, ЧП там, да и застрял. К счастью, директор был в отъезде и ничего не знал об отлучке смотрителя. А то влетело бы Градову по первое число. Руководство, конечно, закрывало порой глаза на отлучки сотрудников. Но тут приёмка... А на приёмке животного долж-

Наталья Шицкая (1985 г.р., псевдоним Наталья Александровны Чинякиной) — детский писатель, сценарист сериалов и мультфильмов, журналист. Закончила Кузбасскую педагогическую академию, по специальности — «учительница русского языка и литературы». Работает журналисткой на региональном телевидении «10 канал». Автор и корреспондент криминальной программы, программы о книгах для детей «Что почитать?», ведущая прогноза погоды, утреннего шоу. Автор многих книг для детей. Любимые жанры — сказки и социальная проза. Лауреат премии им. В. П. Крапивина (2019, 2021), серебряный призёр конкурса «Хрустальный родник», финалист Корнейчуковской премии, Гайдаровского конкурса, конкурса «Новая детская книга», победитель 2-го Всероссийского конкурса литературных произведений имени Г.А. Потёмкина. Живёт в Новокузнецке (Кемеровская область).

ны быть все, без исключения: и смотрители, и ветврачи, и даже дворник. На подхвате. Администрация же только подписывала бумажки, и была такова. А у рядовых сотрудников начиналось самое жаркое время.

— Что у вас? — Андрей Градов в несколько шагов оказался возле клетки, спешно застёгивая молнию на робе.

— Андрюха! Появился, наконец. Мы уж тут совсем упурхались с этим чудом. Норовистый попался.

— Откуда?

— Красноярец, — отозвался Коробейников, напарник Градова.

— Красивый чёрт! — поддержал водитель погрузчика и чиркнул спичкой. Пыхнула сигарета. Серый дымок тонкой струйкой полетел по двору зоопарка, разнося удушливый запах табака. Медведь недовольно повёл ноздрями. Снова рванул на прутья, вгрызся в них клыками, да так и замер. Казалось бы, успокоился, только глаза по-прежнему были бешеными. Светившаяся в них дикая ненависть прожигала человека насквозь. Смотритель Градов поёжился. Медведи были его работой и страстью последние лет десять. Бурые, белые, гималайские... Кого он только не перевидал за эти годы. И у всех было одно — страх и инстинкт самосохранения. Страх перед человеком, страх перед неволей. Боль, злость и страх. Он гнал медведей, заставляя кидаться на клетки, с остервенением рвать ремни и поводья, огрызаться, когда человек подходил ближе положенного. Но постепенно они привыкали, смирялись,

не переставая при этом быть зверьми. Терпеливо ждали пайку, играли в вольере, иногда даже заводили любимчиков из персонала зоопарка. Тем разрешалось не просто потрепать косолапого по лапе, некоторые достаивались медвежьего поцелуя и собачьей преданности. Со всеми было так. Но этот — тёмный, почти чёрный гигант, способный одной левой послать в нокаут с десятков человек, отличался от остальных. Это Градов почувствовал сразу. Кожей. Хозяин тайги смотрел на людей с превосходством. Понимал, он сильнее всех собравшихся. Он страшнее... Но щемящая безысходность затягивала черные зрачки косолапого мутной плёнкой ненависти. В них не было страха! Медведь лютовал...

— Лютый! Так тебя и будут звать, — вслух подумал Градов и крикнул остальным: — Обходи его, Серёга. Пашка, тоже туда. Толкать будете. Я рву на себя. Коробейников, что с вольером? Готов?

— Да ну тебя, Андрюха, — отмахнулся высокий и тонкий как жердь мужичок с жиденькой бородкой, — какой там готов. Бассейн сухой, качели не покрашены, дерево не зафиксировано. Пусть пока здесь посидит, пообвыкнется. Пару дней всего. Потом переведём. Что ему будет-то?

Градов неодобрительно взглянул на напарника, но всё ж кивнул.

— Поднатужились. Руки берегите, мужики, — сказал Градов.

— И головы, — добавил кто-то.

Платформа с косолапым заскрипела, потихоньку подалась и поехала в сторону вольеров. Зверь нервно

расхаживал взад-вперёд, временами огрызался, но большой активности не проявлял. Градов мысленно выдохнул.

— Папа! Папа, ты телефон забыл! — звонкий девчачий крик оглушил зрителей и вывел из оцепенения зверя.

Медведь оскалился и встал на задние лапы. По дорожке, ведущей от административного блока, к вольерам бежала светловолосая девчушка в школьной форме. Маленькие каблучки громко цокали по асфальту. В протянутой руке она сжимала чёрный прямоугольник телефона. Мобильный настойчиво верещал.

— Папа..! Ой...

Крик оборвался, заглушенный рыком животного. Лютый заметался по клетке, раскачивал её из стороны в сторону.

— Варя, назад! — это уже был Градов. — Только не беги. Отходи... Медленно, медленно, доча.

Девочка не побегала. Она будто выросла в дорожку вместе с каблучками. Сначала замерла, потом всем телом задрожала, побелела, схватила ртом воздух, ещё, ещё... Но воздуха было мало. Варя задышала часто, слишком часто. Приступ астмы сдавил горло ребёнка, не давая возможности вдохнуть. Этот признак Градов знал хорошо. Если вовремя не дать лекарство, дальше прямая дорога в реанимацию. А там... Страшно даже подумать, что могло быть там... Градов, не задумываясь, кинулся к дочери. Но запнулся о брошенную им же цепь и упал, в кровь разбив колёно. Руки саднило, перед глазами всё

плыло. Реальность представлялась ему кадрами замедленной съёмки. А Лютый бесновался... Он навалился на клетку, ошалело бросился к другой её стороне. Ревел, просовывал гигантские лапы через прутья, норовя зацепить кого-нибудь из своих мучителей. Клетка качалась. Ещё бы немного и железная конструкция со зверем внутри слетела бы с платформы. А там...кто знает?! Выдержит ли транспортировочная клетка напор?

— Тащи! — приказал ветеринар Алексей Петрович.

Градов заметался.

— Там Варя... без ингалятора... приступ...

— Тащи! — снова рявкнул ветеринар.

И Градов решился... Он бросил взгляд на задыхающегося ребёнка и схватился за цепь. Варя... Варенька... Дочка... Лютый! Если вырвется, положит всех... Градов сглотнул подступивший ком, и принялся за работу. Косолапый был тяжёлым, платформа двигалась медленно. Так они и тянули... Бесконечно долго, как казалось Градову. Медведь постепенно затих, больше не кидался и только продолжал расхаживать по клетке. Как только платформа подъехала к вольеру, зритель Градов повернул обратно к дорожке. Ноги были ватными, по спине тёк холодный пот. Варя! Варя! Ва-ря! Ва-ря! Стучало у него в висках имя дочери. На дорожке Вари не оказалось. На дорожке валялся мобильник Градова и блестящая пуговица от Вариной школьной блузки. Градов схватил телефон и растерянно огляделся. Сердце колотилось бе-

шено, Градов его не просто слышал, а чувствовал. Оно больно билось о грудную клетку. Резко. И неровно. И ему почему вдруг вспомнил взгляд Лютого — обжигающий, яростный, полный ненависти. Так смотрел сейчас сам Градов на всё, что его окружало. Асфальт под ногами, железные прутья вольера с хищниками, гладко скошенным дворником Игнаткиным газон. Он ненавидел это место, этих людей, эту работу, самого себя. Вдруг что-то хрустнуло. Градов очнулся. Из рук высыпались осколки раздавленного телефона.

— Папа! — услышал он сдавленный голос дочери. — Папа, я здесь.

— Андрей Иванович! Мы в подсобке.

Из окна административного блока выглядывала кучерявая голова дворника Вовки Игнаткина, рядом возвышался розовый бант Вари. Градов оказался в здании через секунду. Он сгрёб дочь в охапку и подставил к свету. Бледная, но губы не синие. Варя слабо улыбалась, ещё немного покашливала, но была жива. Жива!

— Ты? — кивнул он Игнаткину. Вовка расплылся в улыбке.

— Ага. Смотрю, вы все убежали, а Варька белая стоит, трясётся, хрипит. Ингалятор надо искать, не иначе. Я её сюда принёс, ранец вытряхнул, аэрозолька и выпала. Подышали. Всё прошло.

— Как догадался, что астма? Ведь не знал никто.

— Я ж в меде учился, Андрей Иванович. Два года. Пока не выгнали. Потом к вам пришёл дворничать.

— А что так?

— Прогуливал. Свободу люблю, — ухмыльнулся Игнаткин. Варя подняла голову с плеча отца.

— Папа, дядя мне газонокосилку обещал показать!

— Газонокосилку, конечно. Газонокосилку... — эхом повторил Градов. Она так и лежала у него на руках, тугие белокурые косички торчали в стороны, одна всё щекотала Градову нос, так, что он не выдержал и чихнул. Варя рассмеялась и спустилась на пол.

— Со мной всё хорошо. Зря ты меня с уроков забрал. Я там только немного кашляла.

— Потому и забрал, что кашляла. Варька, сама знаешь, с этим не шутят! — Градов погрозил дочери пальцем, а потом вдруг нахмурился, враз посерел лицом, будто вспомнил о чём-то. Даже тон изменился.

— Тебе было велено меня ждать в кабинете завхоза. Я же сказал, отработаю — приду, отвезу тебя домой. Ты почему к вольерам побежала? Почему?

— Так, телефон же... Звонили тебе.

— И что? А если бы Игнаткина рядом не было? А если бы он в меде не учился? А если бы медведь...?

Градов перешёл на крик. Его трясло. Варя всхлипнула и прижалась к отцу:

— Папа... Всё же хорошо. Папа! Я не буду больше. Папа, правда. Папа!

В подсобке стало тихо. Было слышно, как Варя изредка шмыгает носом, да Игнаткин от волнения перебирает прутья метлы.

— Не будь, пожалуйста, — тихо сказал Градов.

Он строго посмотрел на Варю, не удержался и поцеловал в макушку, в место, откуда разбегались в стороны забавные косички.

— А мишка почему злится? — вдруг робко спросила Варя.

Она всё ещё боялась смотреть в глаза отцу. Градов улыбнулся.

— А он как Игнаткин, свободу любит. Не хочется ему в клетке.

— Так вы его выпустите, — предложила девочка.

— Нельзя, дочка. Не переживай. Немного полюбует и успокоится. Хотя, конечно, с характером парень попался. Надо ещё постараться, чтобы к такому подход найти.

— А ты ему читал? — вдруг робко спросила Варя.

Она всё ещё боялась смотреть в глаза отцу.

— Кому? — опешил Градов.

— Мишке, конечно.

Поняв, что опасность миновала и её больше не ругают, девочка деловито прищурилась, дождалась, пока изумлённый отец качнёт головой, и полезла в школьный ранец. Через пару секунд на стол подсобки легла толстая красная книга. На обложке золотыми буквами было выведено название.

— Мифы Древней Греции, — прочёл вслух Игнаткин.

— Ага, — кивнула Варя. — Забырайте. У нас литературы ещё неделю не будет. Учительница заболела.

— Для чего это, Варюша? — ласково спросил Градов, но книгу взял, и даже пробежал глазами по пер-

вой отрывшейся странице. Девочка вспыхнула.

— Ну как ты, папа, не понимаешь? Видел, какой у вас мишка злой? Рычит так страшно... Ты ему почитай, он и подберет. Ты же мне всегда читаешь, когда я болею, и кашель сразу проходит. Только читать надо что-то доброе. Мифы... Или вот ещё...

Варя вновь наклонилась к сумке и вытащила сборник сказок.

— Я это сама люблю, но вам сейчас нужнее, — сказала она и протянула книгу Градову.

— Хорошо, — улыбнулся смотритель, — Спасибо, дочка. Давай-ка я тебя домой отвезу, маме в руки передам. Нечего тебе тут делать.

***

Через час, расправившись с уборкой у обезьян, Градов стоял около медвежьего вольера. Клетка Лютого находилась от него в десяти метрах. Зверь не спал. Монотонно расхаживал из стороны в сторону.

— Пейсинг!

Ветеринар Алексей Петрович пошёл к Градову и встал рядом.

— Чего? — переспросил смотритель.

— Это называется пейсинг. Расхаживание по клетке.

— Ого! — присвистнул Градов. — всю жизнь навязчивым поведением звали да неврозамии. А тут пейсинг. Где слов таких нахватался?

Ветеринар довольно улыбнулся:

— На конференцию съездил! — А потом кивнул в сторону Лютого. — Андрюха, плохо ему здесь. В вольер бы его, да отсиделся бы там, в гроте, подальше от чужих глаз.

— В вольер нельзя. Его Коробейников ещё не доделал.

— Да...Коробейников у нас товарищ необязательный. Увы.

— Это, да. Ничего поручить нельзя. А что за зверь-то? — спросил Градов, — Я ж на больничном с дочкой был. Ничего не знаю. С какого боку к нему подступиться?!

— Мишка — бедага прям. Нашли его на трассе около заброшенного кафе. Косолапый там жил на довольствии, работал ходячей рекламой — клиентов привлекал. Его медвежонком местные браконьеры из тайги притащили. Так и рос там. Заведение уже с месяц, как закрыли. Хозяйева мишку бросили и укатили куда-то. А этого подкармливали доброхоты. Они и в администрацию города позвонили, а те медведя нам сосватали. Куда его ещё везти в нашей глуши? До больших зоопарков далеко, а вдруг не дотянет. Так-то он здоров, и прививки все. Честь по чести, его поселковый ветеринар осматривал. Но нервный он, агрессивный. Всю жизнь в клетке просидел, а людей не подпускает.

— Да будешь тут подпускать, когда тебя так обидели. Сначала с рук кормили, потом предали да на смерть оставили.

— Э-хе-хе... Это — да! — вдохнул ветеринар. — Ну, ладно, Андрюха, бывай. Моя смена закончилась. Кормить мишку будешь, яблок ему побольше положи. Он яблоки любит. Может через них тебя признавать больше станет.

Градов кивнул и задумался.

— Яблоки... Яблоки — это хорошо. Яблоки Варя моя любит.

Он зашёл на кухню, сложил в тележку пару буханок хлеба, немного моркови, сверху накидал яблок. Потом заглянул в подсобку. На столе, на том же месте, где их оставила Варя, лежали две детские книги. Градов сунул в карман робы сборник сказок и покатил к клетке. Лютый дремал, положив голову на лапы. Смотритель Градов наколот хлеб на шип, осторожно протянул медведю. Тот огрызнулся, сдёрнул буханку и стремительно сжевал. Яблоки тоже одно за другим исчезли в пасти зверя. При этом медведь внимательно следил за Градовым, не доверял. А когда смотритель попытался подойти ближе, едва не задел когтем.

— Ну-ну, полегче, друг. Я тебе угощение, а ты брыкаться. Давай уж мирно жить.

Градов вытащил из тележки привезённый с собой складной стул, поставил его в нескольких метрах от клетки и достал книгу.

— Добрым, значит, от чтения будешь? Посмотрим! Послушаемся Варю. Давай-ка просвещаться. Что там у нас? Сказка Родари «Джельсомино в стране лгунов». Так... «Дорогие ребята! Я очень рад передать вам привет и предложить вашему вниманию моего Джельсомино...»

***

Лютый прожил в провинциальном зоопарке недолго. Ещё лет пять или шесть. Всё это время он никого к себе не подпускал, так и не смог снова поверить людям. По-прежнему

му горел в глазах животного тот же яростный огонёк, а взгляд туманился от обиды. Покой приходил к нему только в те часы, когда смотритель зоопарка Андрей Градов, закончив повседневные дела, усаживался рядом с вольером и начинал читать

вслух. Порой это были стихи, иногда детективы и приключенческие романы. Но больше всего на свете медведь любил слушать сказки. Их специально для Лютого брала в школьной библиотеке дочка смотрителя Варя.